

«ЧТО Ж! СТАКАН ДЕРЖА ВИНА // ВЫПЬЕМ ЗА...»: О ДЕРЖАВИНЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Е.А. Пастернак

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; pasternakea@ty.msu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются случаи упоминания Державина в русской поэзии (с 1790-го по 2023 г.). Певец Фелицы предстает не только выдающимся оригинальным поэтом, но и правдолюбом, вельможей, видным сановником екатерининской эпохи, наконец, другом или приятелем своих ровесников и кумиром юных Пушкина и Дельвига. Со временем образ реального Державина, каким мы его знаем благодаря источникам, в том числе автобиографическим «Запискам», становится все более размытым. Некоторые ипостаси Державина привлекают поэтов чаще (поэт и сановник), другие встречаются редко (друг современников) или вовсе не упоминаются (теоретик литературы или автор упомянутых «Записок»). Такой выбор влияет на формирование образа поэта и в сознании массового читателя (например, в XX в. одним из излюбленных сюжетов становится описание встречи Державина и Пушкина в Лицее, что обусловлено важностью этого эпизода в биографии Пушкина, но не «старика Державина»), и среди новых поколений литераторов. По-своему Державина представляют в своих текстах поэты-авангардисты.

Случаи интереса к формальным особенностям державинских стихотворений, к фигуре Державина-стихотворца редки. Выделяются примеры включения объемных цитат из державинских произведений в собственные стихотворения (например, у Рылеева и Симонова). Отдельно рассматривается новое стихотворение Германа Лукомникова, строки из которого вынесены в название настоящей работы: имя Державина не названо в тексте, непрого-воренная фамилия поэта зашифрована в составной рифме.

Ключевые слова: Державин; русская поэзия; поэзия XVIII века; цитаты; Герман Лукомников

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-14

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10132) в Институте мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Пастернак Е.А. «Что ж! Стакан державина // Выпьем за...»: о Державине в русской поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 161–170.

“CHTO ZH! STAKAN DERZHA VINA // VYP’IEM ZA...”: ABOUT DERZHAVIN IN RUSSIAN POETRY

Ekaterina Pasternak

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; pasternakea@my.msu.ru

Abstract: The article deals with mentions of the name of Gavriil Derzhavin in Russian poetry in 1790–2023. In the poems, the singer of Felitsa appears not only as an outstanding original poet, but also as a lover of truth, a statesman, a representative of the Catherine the Great era, and finally, a friend and acquaintance of his peers and the idol of the young Pushkin and Delwig. In later texts, the image of the real Derzhavin, as we know him from sources, including autobiographical *Notes*, becomes more and more blurred. Some hypostases of Derzhavin attract poets more often (poet and statesman), others are much less common (a friend of some of his contemporaries), some are not mentioned at all (literary theorist or the author of the mentioned *Notes*). Such a choice also influences the formation of the image of the poet among the general readers (for example, in the 20th century, one of the favorite plots is the description of the meeting between Derzhavin and Pushkin at the Lyceum, which is clearly related to the importance of this episode in Pushkin’s biography, but not in that of “old Derzhavin”), and among other poets. Avant-garde poets represent Derzhavin in their texts in their own way.

Very few poets pay attention to the formal features of Derzhavin’s poems. Sometimes voluminous quotes from his work are included in poems by later authors (for example, by K. Ryleev and K. Simonov). A new poem by German Lukomnikov, lines from which are included in the title of this work, is considered separately: Derzhavin’s name is not mentioned in the text, the poet’s unspoken surname is encrypted in a compound rhyme.

Keywords: Derzhavin; Russian poetry; poetry of the 18th century; quotes; German Lukomnikov

Funding: This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Scientist Foundation grant 19-78-10132.

For citation: Pasternak E.A. (2023) “Chto zh! Stakan derzha vina // Vyp’iem za...”: About Derzhavin in Russian Poetry. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 161–170.

С конца XVIII в. Державин — поэт, сановник и вельможа, знакомый и друг выдающихся людей своей эпохи — многократно упоминался в русских стихах. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка включает 128 текстов со 164 вхождениями слова «Державин» [НКРЯ¹]. Обзор только этих примеров без учета

¹ В этой статье мы ограничиваемся анализом материалов Поэтического подкорпуса НКРЯ, которые собраны и выложены по ссылке <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> [Электронный ресурс. Дата обращения: 2.09.2023]. Мы ограничи-

эпиграфов из Державина и ряда всем известных канонических стихотворений «державинского текста»² (очевидно, что далеко не всегда Державин назван в них прямо³) позволяет прояснить, каким предстает в глазах современников и потомков один из главных русских поэтов. От эпохи к эпохе в фокусе внимания оказывались разные его ипостаси.

* * *

Самое раннее стихотворение нашей выборки — это вольные ямбы «высокого штиля», опубликованные анонимно в мае 1790 г. Автор воспеваает поэтическое мастерство 46-летнего Державина, который, согласно первому катрену стихотворения, «лучше сам изображае[т] // Возлюбленный души предмет», чем великий «Рафаел» (1). Аноним хвалит богатство языка и воображения своего героя, их одних «довольно, чтоб прославить // Навек писателя перо» (1), однако Державин также стремится изобразить «священной истины добро». Незвестный автор самокритично и, в общем-то, справедливо называет свое произведением «слабы[ми] юноши стих[ами]» (1), однако тема правды, которой посвящена последняя строфа, актуальна для Державина.

В стихотворениях, авторы которых были лично знакомы с Державиным, — другая интонация. Так, в 1794 г. И. Дмитриев пытается утешить друга, потерявшего любимую первую жену, Е.Я. Бастидон, которую вслед за вдовцом зовет Пленирой. Дмитриев описывает радостную жизнь супругов, за которой было приятно наблюдать, он согласен с философским настроением адресата: «Конечно, так судьбы всемогщны предписали, // Чтоб счастье и напасть познал ты, сын печали! // Но воззрим к вышнему!» (2). В другом стихотворении Дмитриева Державин, находящийся в кругу других поэтов, «всех в восторг приводит дух» (126). Тут можно увидеть не только признание заслуг поэта, но и легкую насмешку над его тяжеловесным синтаксисом. Насмешлив и В.Л. Пушкин — в «Вечере», где аттестуются разные поэты-современники. «Державин, например, изрядно бы писал, // Но также, кроме од, не стоит он похвал» (125), — впрочем, эти слова принадлежат не лирическому герою, альтер эго самого В.Л. Пушкина, а невежде Стукодею, и объектом истинной насмешки здесь является этот светский сплетник.

ваемся данными НКРЯ как наиболее представительными, поскольку в нем отражаются наиболее известные для читателя старые тексты и достаточно полно представлены более новые. Далее возле цитат мы указываем в круглых скобках номер произведения по таблице.

² Например, мы не рассматриваем «Певца во стане русских воинов», «Воспоминания в Царском Селе» и др. Кроме того, не учитываются многочисленные стихотворные послания современников к Державину, включая опубликованные в 1780-е гг., в которых, как правило, не упоминается именно фамилия поэта.

³ См., напр., [Державин 1864–1883: т. 9, 502–511].

Некоторое количество поэтических откликов вызвала смерть Державина⁴. Уже в середине августа 1816 г. Капнист пишет длинную торжественную оду, конечно, одической децимой, наполненную отсылками к творчеству поэта вроде «О смерть! И царь, и раб презренный // Подданство всё равно твоё»; здесь же кратко перечисляются ключевые темы державинских произведений: он «воспел величество Творца, // Победы росса знамениты, // Волшебны прелести Хариты // И блеск Фелицына венца» (104). В первую строфу другого стихотворения Капниста, «На тленность», вмонтированы «<Последние стихи Державина>», следующие две написаны как их продолжение — и с точки зрения стиля (достаточно упомянуть словосочетание «всежруща тлень» (102)), и с точки зрения версификации (8-стишия АБАБВгВг). Оплакивают кончину Державина Милонов (28; «Ты скрылся, Державин! — ты скрылся, наш Феб!») и Дельвиг (27; рефрен его гексаметров: «Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!»), а Вяземский (97) в короткой эпиграмме ищет способ уколоть участников «Беседы любителей русского слова». Длинный текст Милонова, переполненный церковнославянизмами, предваряет эпиграф из Шекспира, он содержит комичные с точки зрения биографии подлинного Державина утверждения, создающие отстраненный образ идеального поэта («Твой путь был ко славе усыпан цветами» (99)). Хотя стихотворение Дельвига тоже возвышенно, написано с использованием многочисленных сложных эпитетов, его строфы начинаются с простого повторяющегося «Державин умер!» (98). Обескураживающая новость сообщается другу, и не воображаемому, условному, а настоящему — Пушкину.

Имя Державина неоднократно включается в перечисления, главным образом в компанию поэтов его времени: Ломоносов, Дмитриев, Карамзин (Востоков (124)), Дмитриев и Ломоносов (Пушкин (111)), Карамзин и Дмитриев (Вяземский (100)), Петров, Державин, Карамзин (Полежаев (79)), Херасков, Княжнин, Петров, Богданович, Дмитриев и В.Л. Пушкин (Вяземский (72)) и т. д. Встречается и менее очевидное соседство. «Державин рвётся в стих, а втащится Херасков» (93), — иронизирует Вяземский. Весьма разных поэтов XVIII в. В. Курочкин решает назвать через запятую: «Сумароков... Кантемир, // Петров, Херасков и Державин» — и дать им «старомодную» характеристику: «Живая оных дней струна» (64). В XX в. такого рода перечисления уже объединяют поэтов разных поколений: «Вот — Грибоедов, Тютчев, вот — Державин. // А мне? Нельзя ли Баратынским стать?» (Асеев (36)); «Когда... Державин громоздил, а Батюшков

⁴ Любопытно, что в «Послании в Вену к друзьям» Милонова 1818 г. Державин оценивался уже как герой из прошлого (94).

хандрил» (Е. Рейн (12)). В произведении Г. Оболдуева указывается на сходство Державина и Тютчева (39). «Поэтические ласточки» трех поэтов становятся опорой для такого перечисления Н. Моршена: «Державин, Фет и Мандельштам» (16). Подобные «серии» у поэтов поставангарда разнообразны: здесь и ассоциативное перечисление: «Радищев-Кутузов // Хемницер-Державин // Бобров-Менделеев // Русское слово вот» (А. Хвостенко (33)), и перечисление с определениями: «Правдоискатель князь Хворостинин // Лжеклассичный Ломоносов // Учёный русский дьяк О! Тредьяковский О! // Мурза самодержавный Державин» (Г. Сапгир (29)), и простой список поэтических ориентиров автора: «Мои учителя // Тредьяковский // Державин // Хлебников» (И. Холин (13)).

Рассмотрим теперь некоторые из тех стихотворений нашей подборки, где имеются отсылки к державинскому творчеству. В «Езерском» Пушкин вспоминает о памятных всем державинских стихах («...двух своих соседей // И смерть Мещерского» воспел и т. д. (81)) и полушутя-полусерьезно рассуждает о судьбе и о поэзии. Л. Трефолев неожиданно вспоминает: «Гавриил Державин пел: “Пчела золотая!”» (62). Он первым из поэтов нашего списка называет вместе с фамилией имя певца Фелицы — то ли для придания тексту большей комичности, то ли для того, чтобы «уложить стих в размер»⁵. «<Последние стихи Державина>» перефразирует И. Елагин: «Да что я — бревно какое, // подхваченное рекою // смывающих всё времён. // А где-то рядом Державин // барахтается, забавен // и с участью примирён» (эпиграф к этому тексту — первый катрен «Реки времён...» (31)). Они же остроумно монтируются с другой визитной карточкой поэта, «На смерть князя Мещерского», О. Охупкиным: «Река времён. Глагола звон. // Ещё гремит старик Державин» (23)⁶.

В некоторые произведения включаются целые части державинских стихотворений. Одна из рылеевских дум полностью обращена к поэту, в ней упоминаются места, связанные с Державиным (Хутынский монастырь), романтически настроенный юноша — герой стихотворения — размышляет о поэте, чей образ здесь идеализирован, и вспоминает, что тот говорил «любимцам трона», — с помощью цитат из «Вельможи» и «Властителем и судиям» длиною в несколько строк (90). В объемном произведении Симонова, об-

⁵ Фамилия поэта указана и после прямой цитаты в «Тугих парусах» Н. Моршена: « — Я есмь — конечно, есть и Ты (Державин)» (9).

⁶ Впрочем, встречаются отсылки и к менее известным произведениям: «Лебедь» Вс. Зельченко среди прочего перефразирует одноименное произведение Державина; интересно, что в нем упоминается «европейская ночь» (11), явно отсылающая к сборнику стихотворений В. Ходасевича, написавшего биографию Державина.

ращенном к Суворову, описано, как «Костров, иль господин Державин <...> Уже, наверно, оду пишет» (далее цитируется «На победы в Италии» (45))⁷. Суворов говорит державинскими стихами у С. Стратановского — и с помощью прямых цитат («Я — червь, я — раб, я — бог штыков»), и с помощью обращения к излюбленным державинским духовным размышлениям (сам полководец называет здесь Державина «Пиндаром северным» (24)). В поэме Вознесенского «Авось!» герой-стихотворец, которому приписаны стихи «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный. // Увечный // наш бранный разум цепляется за пирамиды, статуи, памятные места — // тщета!» (27), характеризуется фразой «Понятно, это не Державин, // но любопытен по терзаньям» (27); ироничное переосмысление «Памятника» становится еще очевиднее благодаря внутренней рифме, подчеркнутой графическим членением.

Отдельные формальные особенности поэзии Державина редко становятся темой для поэтического разговора без привязки к конкретным его поэтическим шедеврам, однако есть и такие случаи. Так, высокопарное стихотворение А. Несмелова содержит следующее замечание: «Но порой, удачной рифме рад, // Ты не веришь, что ещё Державин // Обронил её сто лет назад» (41), — действительно, державинские рифмы по своему устройству во многом предвосхищают рифмы ХХ в.

* * *

Державинский образ традиционно сопровождает лира: он «на лире звонкой // Восп[ел] великие дела // Царицы» у Капниста (122), на золотой — «возгремел, // Бессмертную в стихах бессмертных он воспел» у В.Л. Пушкина (117), «лирой... бряцал златострунной» у Бенедиктова (75), а у Б. Фёдорова он и вовсе «лиры властелин» (88). Однако обычно характеристики более конкретны, причем поэтическая и политическая ипостаси Державина смешиваются, например, у Дмитриева (державинские «честь, правда и язык богов» (123)) и Воейкова («поэтов красота», «вельможей образец» (121)).

Иногда подчеркивается лишь его статус вельможи: в «Послании...» Батюшкова один из героев — Державин, он упоминает «Отчизны сладкий дым» (107; отсылка к самому поэту); в «Орле двуглавом» Брюсова Державин «славу пел» (58) именно заглавному «герою». Обычно, напротив, Державин предстает только в роли поэта: у Дельвига (он «россов восхищал! // Под дланью трепетали струны, // На сильных он метал перуны — // И добродетель прославлял» (108)), Милонова (Державин — настоящий, честный поэт, в отличие от

⁷ Показательно, что здесь Державин в духе времени не играет, а говорит с лирой, причем не златострунной, а железной.

пародийного Луказия (116)), Гнедича, высмеивающего Хвостова (настоящий поэт, Державин «к вершинам Геликона... чрез многотрудный путь столь быстро прилетел», что не суждено адресату Гнедича (115)), Кюхельбекера («дивный исполин», «бард дивный»; тяжеловесность этих стихов создает пародийный эффект (91)), К. Масальского («Вслед за собой увлек Державин-исполин // Тму подражателей» (82)) и др. Изысканное определение поэту дает Вяземский: «юных муз блистательный рассвет», к тому же он счастливее Ломоносова парадоксальным образом — «как русский и поэт» (95). Именно с Державина начинается история русской поэзии, доходящая до «последнего звена» (последнего то ли по времени, то ли по уровню при сравнении с великими поэтами) у Рейна в его варианте «Памятника»: «Я был счастлив, ибо был в Отчизне // Самое последнее звено // Вервия, что заплетал Державин» (6).

Уже в XIX в. Державин предстает как тот, кто «внукам завещал Екатеринин век» (87). Связь с веком отмечена и Вяземским — правда, в язвительном ключе: «Державин, веку дав заглавье, // Сказал: *Весь век стал бригадир*» (85). Он же пишет о том, как высока роль поэтов в восприятии эпох («Екатерины век, её роскошный двор, // Созвездие имён сопутников Фелицы, // Народной повести блестящие страницы, // Сановники побед: Державин и Петров» (68)). Связь с фигурой Екатерины находим у Б. Садовского в «Царях и поэтах» («Екатерину пел Державин» (56)), оригинально и сравнение Б. Божнева: «И солнце, что Державин, // Лежит у царских ног» (46). У Д. Самойлова вся эпоха и вовсе характеризуется через Державина: «До свиданья, Державин, // И его времена» (26).

Характеристика Державина — «автора од» и Державина — символа своего времени парадоксальным образом повторяется в «Портрете» А.К. Толстого (65) и в «Оде на Победу» М. Тарловского, которая выглядит как пародия на настоящую оду — и из-за несоблюдения формальных правил (по необъяснимой причине она написана октавами), и из-за несуразных стилизаций («Се твой превыспревший глагол // Мы емлем в шелестах читален» (40)), и из-за фигуры самого адресата. Интересны совсем иные по стилю экспериментальные «Одические строфы» В. Кривулина: 8-стишия, написанные без прописных букв и лишь с некоторыми знаками препинания, наполненные отсылками и ассоциациями («самозванный бог державин // самочинный бег червя» (10)).

Державин предстает мастером, который может «судить» литературу, — например, у С. Шевырёва 1830 г. (84) и в ироничном стихотворении Фета, где вечные соперники Жуковский и Державин становятся союзниками, поскольку «не нуждаются» в бездарном поэте, к которому обращено стихотворение (74). Ап. Майков в 1853 г.

тоскует по настоящей поэзии: «Наш век велик, могуч и славен; // Но где ж, Россия, твой Державин?» (по версии Майкова, в этот год «И вновь Россия торжествует!..» (71)). Иронична реплика Н. Щербини: «За что Державин был министром, // Не видит Майков и гроша» (70), — отсылка к Державину становится способом остроумно уколоть другого поэта.

Литературный Державин порой наделяется сверхъестественными способностями. Юный Дельвиг просит живую легенду, «Пиндара российского»: «Дай мне парящий восторг!» — и, говоря о себе, на самом деле воспевает своего адресата: «Дай, и вовеки прославлюсь, // И моя громкая лира // Знаема будет везде!» (109). Внезапно именно Державина в качестве помощника призывает В. Шишов, который не только просит: «Приди ко мне, о Гавриил Державин, // Наставником сладчайшего труда» (49), — но и вспоминает о легендарном Багриме, зачинателе державинского рода. Имя поэта обыгрывается и В. Соснорой, намекающим на архангела: «пускай Державин гений // и Гавриил, — но всё ж не та труба!..» (17).

У Ходасевича образ Державина с его ласточкой и вовсе становится, наряду с Катуллом и его воробьем, символом рая, где живут «поэтов и зверей возлюбленные тени» (47), — именно туда попадет кот Мурр и надеется попасть лирический герой, столь близкий к реальному поэту.

* * *

В XX в. Державин становится воображаемым собеседником поэтов. Например, в первой части «Стихов о русской поэзии» Мандельштам обращается к Державину, где тот внезапно оказывается соседом Языкова; упомянутый в первой строфе татарский кумыс — способ ассоциативно напомнить о происхождении поэта (48).

В нашей подборке есть и примеры текстов, в которых авторы вживаются в образ великого предшественника. Д. Самойлов пишет «Старика Державина», пытаюсь сочетать воспроизведение мыслей героя и живой рассказ о нем: так, Державин не просто «жадный поэт» — он «воровато // Руки прятал в рукава халата, // Только лиру не передавал» (35). Как нередко бывает у Самойлова, в сюжете этого стихотворения смешиваются времена: вся 1-я строфа и часть 2-й — рассказ о поэтах-современниках, участниках Великой Отечественной войны. Подобная ситуация — в стихотворении Вс. Рождественского «Державин в Петрозаводске»: в нем олонецкий губернатор размышляет об истинной государственной службе и мечтает писать стихи (это иллюстрируется цитатой из «Водопада»). Любопытно сравнить те мысли, которые Рождественский приписывает Державину: «А мне ты долг иной назначь — // От губернаторства подале. // Уж лучше буду петь Кивач, // Как я — бушующий в опале» (28), — со

словами самого Державина⁸: «...государыня назначает его губернатором в Олонецк, которую губернию в том году должно было открыть, то и потребовалось его согласие. Будучи у императрицы в хорошем мнении, не благодаразумно бы было не согласиться на её волю» [Державин 2000: 94–95]⁹.

Неоднократно Державина вписывают в полностью придуманные сюжеты: у Н. Агнивцева поэт общается с некоей дамой в голубом кринолине (50), Л. Мартынов сопоставляет воображаемого старого Пушкина с Державиным и Карамзиным (21). Впрочем, стихотворения, имеющие биографическую основу, тоже не лишены вольностей. Так, Державину посвящена часть «Поэта и музы» Ю. Домбровского (42). Он представляет жизнь поэта после смерти его любимой Пленеры (именно этим именем ее логично называет Домбровский), но описанное далеко не полностью биографично: вскоре Пленере сменила Милена, Д. Дьякова, и в 1795 г. Державин вовсе не становится исключительно певцом печали. Любопытно, что Домбровский решает не цитировать реальные стихи Державина, когда описывает творческие муки поэта, а придумывает свои, тематически созвучные творчеству Державина. Такой прием позволяет осознать, что это — именно «фантазия на тему».

Излюбленный же русскими поэтами державинский сюжет — это, конечно, встреча Державина и Пушкина. Ее изображают Г. Шенгели (он пытается представить и передать чувства старого поэта, однако в итоге у него получается стихотворение и об истории поэзии, и о смене поколений в целом (54)), Ю. Инге (44) и Я. Смеляков, дающий развернутую характеристику старому поэту: «Всесветно одинок, // ослабый и мясистый» (25)). Как видно из наших примеров, популярной тема лицейского благословения стала лишь в XX в.

* * *

Итак, образ Державина в русской поэзии разносторонен, причем некоторые его ипостаси или детали биографии привлекают поэтов чаще (Державин-сановник), к каким-то можно найти лишь единичные обращения (Державин-старик и устаревающий поэт), а какие-то не встречаются вовсе (Державин — теоретик литературы). Упоминания Державина-друга, приятеля, знакомого или «учителя» сменяются описаниями его как идеализированного великого русского поэта или как условного воображаемого собеседника, имеющего мало общего с реальным человеком, каким мы знаем его из источников.

---

⁸ Как известно, в «Записках» он говорит о себе в 3-м лице.

⁹ Разумеется, Державин также стремится создать для читателей определенный образ самого себя в прошлом.

Напоследок обратимся к стихотворению, цитата из которого вынесена в заглавие этой работы, новейшему и пока не изданному тексту Г. Лукомникова:

...А по краю перечти:
Наша жизнь — РУИНА ЧТИ.
Что ж! Стакан держа вина,
Выпьем за...

Два слова в конце третьего стиха — составная рифма с полным совпадением звукового состава с выпущенным последним словом. Державина уже необязательно называть прямо, как и объяснять, «по краю» чего нужно увидеть то ли настоящий, то ли случайный акростих, — имя и творчество Державина и так остались в истории поэзии, которая — во многом благодаря ему — продолжает развиваться и открываться с новых сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Г.Р.* Записки. М., 2000.
2. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. СПб., 1864–1883.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> (дата обращения: 02.09.23).

REFERENCES

1. Derzhavin G. R. Sochineniia [Works] [In 9 vol.]. Saint Petersburg: Izd. Imperatorskaia Akademiia Nauk Publ., 1864–1883. (In Russ.)
2. Derzhavin G. R. Zapiski [Notes]. Moscow, Mysl' Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

Poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8436650> (accessed: 02.09.23). (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.07.2023
Принята к публикации 17.10.2023
Отредактирована 10.11.2023

Received 25.07.2023
Accepted 17.10.2023
Revised 10.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Пастернак Екатерина Алексеевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; pasternakea@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Pasternak — (Ph. D.) Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; pasternakea@my.msu.ru